

ед. хр. 1092), возможно, указывает на существование еще праслав. **vodъ* (< **voditi se*, **vedti se*), наряду с иными обозначениями аналогичных понятий — **plodъ*, **plemę* (преимущественно по отношению к скоту), **sporъ*, **sporina* (преимущественно по отношению к хлебному полю).

- ¹¹ Зеленин Д. К. Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губ. — ЖСт год 11, вып. I, 1901, 88.
- ¹² Макаренко А. Материалы по народной медицине. Ужурской волости, Ачинского округа, Енисейской губернии. — ЖСт год 7, вып. I, 1897, 98.
- ¹³ Костоловский И. В. Народное поверье о бесплодии близнецов, — ЖСт год 20, вып. III—IV, 1911, 499.
- ¹⁴ Яворский Ю. Галицко-русские поверья об опырях. — ЖСт год 7, вып. I, 1897, 108.
- ¹⁵ Попов Г. Указ. еоч.
- ¹⁶ См.: Петлева И. П. О семантических истоках слов со значением 'скупой' в русском языке. — В кн.: Этимология 1970. М., 1972.

В. А. Меркулова

К ПРОБЛЕМЕ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ТЮРКИЗМА

За последние двадцать лет вышло в свет значительное число русских диалектных словарей. Они позволили ввести в научный обиход огромный новый материал, который нуждается в этимологической интерпретации. Основную массу диалектной лексики составляют исконные слова, но имеются и заимствования, которые отражают многообразные отношения с другими народами. Большой интерес представляют заимствования из европейских языков в центрах древней международной торговли, таких, как Новгород, а затем Архангельск. Любопытна история тюркизмов в русских народных говорах. В отличие от балтизмов или финно-угорских заимствований, имеющих определенный ареал распространения, тюркизмы представлены во всех говорах русского языка, но по-разному. Различно их число, источники и хронология. Несмотря на обширную литературу по этому вопросу, отсутствует обобщающая работа, в которой были бы показаны хронологические срезы, источники, пути заимствования, адаптация тюркизмов, их функционирование, пласты лексики, в которых они более всего представлены. Создается впечатление, что были периоды в истории русского языка, когда тюркизмы проникали очень активно, и периоды, когда этот процесс затихал. В настоящее время мы можем говорить о том, что постепенно уходят из языка такие старые тюркизмы, как *башмак* и *кушак*. С другой стороны, в говорах сохраняются в живом употреблении фразеологизм *бóсьм волком 'очень быстро'*, представленный в «Слове о полку Игореве». Это выражение является, по-видимому, полукалькой тюркского наименования серого волка (*boz börü*), тотемного животного, которому приписывались особые качества (Фасмер I, 199).

Заимствования из тюркских языков могут быть разделены на несомненные, такие, как *камыш*, *кушак*, *бунчук*, *баткак* и т. д.,

и на такие, тюркское происхождение которых является лишь гипотетическим. Выдвижение такой гипотезы требует целой системы доказательств: невозможность проведения словообразовательного анализа и этимологизации на славянской почве, фонетические особенности слова, указывающие на тюркское происхождение, география слова, его хронология, принадлежность к определенному пласту лексики. Так, например, очень велико число заимствований (не только из тюркских языков) в названиях пищи, одежды, в оценочной лексике, поскольку эти группы лексики очень подвижны, временны, легко проницаемы, первые — в результате быстрой изменчивости самих реалий, вторые — в результате сильной экспрессивности и в связи с этим в потребности постоянного обновления.

Я хочу привести несколько примеров гипотетических тюркизмов, тюркское происхождение которых может быть впоследствии подтверждено или оспорено.

Слово *басаргá* не может быть расчленено на морфемы с точки зрения славянского словообразования, оно и не может быть проэтимологизировано на славянской почве. Ударное *-гá* на конце слова позволяет его предположительно отнести к тюркизмам (см. *тамгá*, *деньгá*, *сайгá* и др.) в отличие от финно-угорских заимствований, имеющих конечное *-га* безударным¹. Кроме того, мы имеем по говорам вариантность слова *басаргá*, *басалгá*, *басайгá* с меной *р-л-й*, не характерной для русской фонетики. Слово представлено только в русском языке во владимирских, нижегородских, смоленских, пермских и уральских говорах. География слова также подтверждает возможность тюркского происхождения слова, ср. характерное для финно-угорских заимствований распространение в северно-русских говорах. По своей семантике 'непоседливый, вертлявый (о ребенке)' слово включается в обширную группу оценочных слов, содержащую значительное количество тюркизмов, слов, которые, характеризуя внешние или внутренние качества человека, образовывали прозвища, а затем и фамилии. Ср. такие тюркские по происхождению прозвища, как *Аксáк* 'хромой', *Булгáк* 'гордый, важный; вертлявый, кокетливый', *Бутурлá* 'шершавый, корявый, рябой, прыщеватый', *Кутýз* 'бешеный' и т. д. и т. д.²

Анализ слова *басаргá* на тюркской почве может позволить поставить вопрос о связи его с прозвищем смоленского князя *Мусорга*, от которого возникла впоследствии дворянская фамилия *Мусоргских*.

Русский диалектный материал по слову *басаргá* следующий: *басаргá* ж. 'пугливая неприрученная овца' (нижегор.), 'овца' (ср. урал.), м. и ж. 'глупый или несерьезный человек' (нижегор., свердл.), 'проворный и ловкий человек' (влад.), прозвище проворной женщины (орл.) (Филин 2, 128); *басарыга* м. и ж. 'суетливый человек' (петерб.); *басалгá* 'глупый или безнравственный человек' (перм.) (Там же); *басайга* ж. 'дурная, негодная женщина' (влад.) (Филин 2, 127); *басаргá* м. и ж. 'о подвижном, непоседливом ре-

бенке': Ина тыкая *бъсырга*, с утра пакою ни дывала (Смоленск. словарь, 1, 130); *басарга́* м. и ж. 'непоседливый человек (обычно о ребенке)': Ну и *бъсарга* внучёнък у миня, просто ужъс; Чяво ты носисся как *бъсарга*? (Мордов. словарь, А—Г, 30); *басарга́*, *басаро́жка* 'овца', 'беспутный человек' (Сл. ср. Урала I, 36).

Может быть, сюда же *басалы́га* м. и ж. 'ветренный, легкомысленный человек; пустобрех'; *басалы́й* 'беспутный, разгульный человек или хулиган' (арх., яросл., волог., твер., новг., псков., моск.), 'хвастун, болтун' (твер, яросл., арх.), 'озорник, сорванец (о ребенке)' (перм., новг., волог., арх.); 'дуралей' (арх.), 'нерасторопный человек' (волог.), 'дурно одетый человек' (волог., моск.), 'расторопный человек' (волог., моск.), 'щеголь, франт' (волог.) (Филин 2, 128).

Объединение или разделение этих слов зависит от членения слова на тюркской почве. «Аффиксы *-γα-/-ge-~ -ga-/-ke-~ -ag-/-ek-* в большинстве тюркских языков служат средством образования от глагольных основ имен результата и орудия действия; ср., например, каракалп. *tabul-* 'быть найденным' и *tabul-γα* 'находка' . . .»³.

Слово *бечевá* практически не имеет этимологии, его происхождение считают неясным. Высказывалась мысль, что это заимствование из тюркских языков, но аргументы были недостаточно убедительны (см. Фасмер I, 162). Русский диалектный материал помогает реконструировать исходную семантику слова, что, безусловно, должно способствовать успеху этимологических разысканий. Современные русские диалектные материалы показывают и формальную вариантность слова: *бечевá*—*бичевá*—*бечáг*—*бичугá*. что служит косвенным подтверждением тюркского происхождения. Семантическое наполнение слова *бечевá* следующее: 'берег (реки); берег (заливаемый в половодье); склон оврага (рва); сторона дороги, обочина; овраг; береговая полоса вдоль рек, озер; гряда, отмель; вереница, полоска' и 'веревка; канат; ремешок'.

Ср. *бечевá* 'берег реки, занятый лугами' // 'склон оврага', 'сторона дороги': Этой *бечевóй* дороги пойдете. . . (Вологодск. словарь 1, 31); *бечева* 'овраг': *Бичева* — эть глыбоктя длиннъя ямъ, ад даждей *бичива* фсё большы и большы ставицъ (Иванова. Подмоск., 32); *бечевá*, *бечёвка* 'остров на реке или песчаная отмель среди реки' (Сл. средн. Урала I, 45), *бечева* 'каменистый берег реки': Около Камы берег, каменистый он — вот и *бечевá*. Пониже Тюлькина там черной яр, его подмывает, рвет быстрой водой, там *бечевы* нет (Соликам. словарь 42), *бечевá*, *бичевá* и *бёчева* 'берег реки': 'берег реки, занятый лугами или засеянный чем-либо' (яросл., перм.), 'глинистый обрывистый берег реки' (киров.), 'высокое место между двумя ручьями при впадении их в реку' (волог.), в дореволюционной России — берег Клязьмы вверх от Владимира, где останавливается сплаваемый по реке для продажи лес. Таких мест на Клязьме три (влад.), 'прибрежный хрящ, чаля (?)' (урал.), 'край речного берега, по которому идут бурлаки' (вят.), 'песчаный вал на озере' (перм.) (Филин 2, 185).

Наибольший интерес представляют материалы смоленских говоров, которые дают варианты слова *бечáг*. *Бечáг* 'береговая полоса вдоль рек, озер; берег': У каждой речки есь *бичах*. Есь разны *бичаги*: есь крутыи, есь атохдныи; 'высокая крутая сторона оврага; вытянутая в длину возвышенность, гряда' (Смоленск. словарь 1, 170). Наряду со словом *бечáг* вариант слова *бочаг* и *бечевник* в том же значении. Очень интересен пример: Тучи ходють *бичигами* (вереницами?).

Слово *бечевá* имеется во всех трех восточнославянских языках. Укр. *бечовá*, *бичовá* 'веревка для того, чтобы запрячь пристяжных лошадей или волов', *бечівка*, *бичівка* 'веревка', *бечівник* 'жердь у воза для припрягания третьего коня', *бичивник* 'береговая полоса, которую тянут невод', *бичовник* 'высокий берег', *бичовий* 'пристяжной'.

Блр. *бічóўка* 'веревка; часть цепы, которою бьют по снопам', *бічэйка* 'тонкая веревочка'; *бичáй* 'край луга', *бічáйка* 'узкая незасеянная полоска около полевой дороги', *бічáўник*, *бічóўник* 'луг вдоль реки; береговая полоса'... Интересна формальная вариантность слова *бічовá*, *бічугá* 'жердочка в передке воза, к которой припрягли коня' (Гуровск. словарь 1, 61).

Слово отмечено в памятниках русского языка XVI в.: Подъ монастыремъ *бечева* за острогомъ отъ крутого ручья вверхъ по Окѣ рѣкѣ по коровой взвозъ (1593 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 1, 183).

При этимологизации слова исключительно важную роль должен сыграть учет вариантов слова: *бечевá*, *бичевá*, *бечáг*, *бечáй*, *бичугá*.

Общий семантический признак выделить очень трудно, но он, по-видимому, существует. В качестве гипотезы можно предложить такой путь развития: 'полоса' (→ 'полоса вдоль берега' → 'берег', 'незасеянная полоса вдоль дороги', 'край, кромка оврага' → 'склон оврага' → 'овраг'), 'полоска ремня' → 'канат, веревка'. Ср. *бичевáйца* 'полоска'; Радуга бывает. Возле зеленой голубая, возле голубой алая, зеленая *бичевица*, потом голубая, из шести сортов (Талицк. словарь 36).

Слова *ютѣться*, *приют* и *уют* рассматриваются обычно в этимологической литературе как старые славянские и даже праславянские образования. В качестве соответствия приводится обычно литш. *juoti* 'крыша' (Фасмер IV, 181), в «Этимологическом словаре славянских языков» слово объединяется с большой группой праславянских слов (ЭССЯ 8, 199). Но историю рассматриваемых слов можно представить и иначе. Они отмечены только в русском языке и даже не на всей его территории, по-видимому, отсутствуют в северно-русских говорах.

От старого тюркского заимствования *ватáга* образован глагол *сватáжить* 'соединить'. Вариант этого глагола *сьютáжить*. Ср. *сьютáжить* 'соединить, объединить кого-л. с кем-л.'. . . : етъ д'эфкѣ хъраши и жаних харбш каҗ бы нам.иих с'йутáжыт' ил' сватáжыт'; Ии с'йутáжыли жыт' вм'ес'т'е (Деулинский словарь, 553).

Трудно предположить, что вариант *-ютаг-* (вм. *ватаг-*) возник на славянской почве.

Глагол *ютить*, по Далю, значит 'приючать, ухичать, дать приют, пристанище; укрывать, прятать, ютиться приючаться, искать приюта; пристраиваться, примащиваться, гнездиться': *Ютятся* под навес от дождя (Даль² IV, 670).

Глагол *ютаться* 'находиться' отмечен только один раз в словаре Мельниченко со ссылкой на работу Соколова, этот пример несомненно нуждается в проверке.

Производные от приставочных глаголов *приют* и *уют* обозначали первоначально одно и то же 'кров, пристанище' Б'ар'и в'ес' струп, дай мн'е т'л'к'к' *уй'ют* [мать сыну] (Деулинский словарь, 580). Значение 'комфорт' появилось у слова *уют* позднее.

Можно высказать очень осторожную гипотезу, что общетюркское название дома в одном из его диалектных вариантов проникло в русский язык в значении пристанища, прибежища, укрытия⁴. Распространению диалектного слова способствовало его употребление в литературных произведениях: И прочность, и уют, все было в доме том (Крылов).

Слово *калитка* 'дверка в заборе, в воротах' в настоящее время является общерусским. Даль передает значение этого слова следующим образом: 'дверь, дверка подле ворот или в воротах, для пеших, либо в заборе, ограде'.

Помимо значения 'дверка в заборе' слово *калитка* в русских говорах обозначает еще некапитальную дверь в избе: дверь со двора в огород, заднюю дверь дома, дверь с крыльца в сени и т. д. Как приходишь, первая *калитка*, а потом уж дверь в избу (яросл., костром., моск. — Филли 12, 359). В тульских говорах *калитка* — это дверца погреба. В значении 'дверь (некапитальная)' слово отмечено в московских, тверских, ярославских, костромских, новгородских, псковских и рязанских говорах.

Слово фиксируется в русском языке с XVII в., главным образом, в значении 'маленькая дверь в воротах крепости': Ворота большие обь одномъ щиту съ *калиткою* (АЮБ II, 21, 1691 г. — СлРЯ XI—XVII вв., 7, 37). В той стѣны двои ворота однѣ большие створчатые, другие меньшие с *калиткою* (Кн. пер. Новг. 40 об., 1699 г. — Картотека ДРС). Около двора городьба забором, ворота с притвором и с *калиткою*, покрыты тесомъ (Акты хозяйства Б. И. Морозова, 16).

В некоторых местностях *калитка* называется *прикалиток*: Борода с ворота, а ума с *прикалиток* (Даль³ III, 1086).

Калитку называют иначе *малыми воротами*, *воротцами*; так в псковских говорах, в русских говорах Карелии, в белорусском, украинском языках, в южнославянских языках. Используются для обозначения *калитки* и заимствования: польск. *fortka*, блр. *брамка*, укр. диал. *капурка*.

В части русских и украинских говоров *калиткой* называется навес, пристройка, небольшое деревянное строение. Это калужские, смоленские и тверские говоры русского языка и черкаские укра-

инского. Наблюдается наличие нескольких формальных вариантов слова: *калитка*, *прикалиток*, *колюток*, *калюпка*, *закалитка*, *закайтка*, *закайток*. *Закалитка* 'маленькая комнатка, угол в избе': ... пьнаделыли зькалитък, нейди пьвярнуцца (Смоленск. словарь 4, 70); *закайтка*, *закайток* 'закуток, небольшая боковая комната' (Смоленск. словарь 4, 71).

Вариантность слова говорит о том, что его история не является простой и прямолинейной и что при этимологизации слова нельзя исходить из литературного *калитка* без учета форм и значений диалектных слов. Исконное происхождение слова *калитка* (производность от **kolo* или **kolъ*) представляется маловероятным. Этому противоречит как время появления слова (XVII в.), его география (среднерусские и южнорусские говоры), форма (колебания *j/l*, *i/ju*), так и то, что оно вытеснило уже существовавшее древнее слово **vortьsa*, обозначающее ту же реалию. Есть все основания предположить заимствование, может быть, из тюркских языков. Процесс активной адаптации слова привел к тому, что оно приняло совершенно славянский облик.

Рассмотренные выше слова (*басаргá*, *бечевá*, *ютить* и *калитка*) различны с точки зрения их этимологической интерпретации. Первое не встречается в этимологических словарях, второе рассматривалось частью исследователей как тюркизм, но это мнение не было принято в литературе, последние два слова всегда рассматривались как исконные. Несмотря на то, что данные слова принадлежат к разным группам лексики, у них имеются и общие черты: они встречаются широко в русском языке, тяготея к южным и юго-восточным говорам, они имеют варианты, по своим фонетическим признакам делающие сомнительным славянское происхождение. Следовательно, должна быть проведена проверка на возможность заимствования. Непосредственный тюркский источник мы указать не можем, поэтому данные слова должны быть включены в разряд потенциальных тюркизмов.

Примечания

¹ *Откупщиков Ю. В.* К истокам слова. Изд. 3-е. М., 1986, 106.

² *Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979, 43.

³ Там же, 124.

⁴ Общетюркское *öj* 'дом' в диалектном татарском представлено как *й* (см. Севортян I, 513), общетюркское *ot* 'трава' отражено в архаическом татарском как *ut* (Севортян I, 481), ср. диал. (рязанское) *поютить* 'скормить скоту'.

В. Н. Топоров

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ *САНДУЙ*

Это название, отмеченное в старых, «допетербургского» времени, документах и остающееся по сей день не объясненным, отсылает к целому ряду лингвистических проблем, связанных с тер-